

УДК 93/94(410)(430) «1939»

Иванов Александр Гаврилович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новой, новейшей истории и международных
отношений Кубанского государственного университета
ivanov@kubsu.ru

Ivanov Alexander Gavrilovich

PhD (History), Professor Head, Chair of Modern,
Contemporary History and International Relations
of Kuban State University
ivanov@kubsu.ru

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ТРЕТИЙ РЕЙХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе документов Государственного архива Великобритании (г. Лондон) рассматриваются проблемы, связанные с происхождением Второй мировой войны: последствия Мюнхенского соглашения 1938 г., англо-французские гарантии странам Восточной Европы и отношения между Великобританией и Германией.

Ключевые слова: политика умиротворения, безопасность, гарантии, переговоры, агрессия.

GREAT BRITAIN AND THE THIRD REICH ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

The article deals, on the basis of Public Record Office's documents in London, with problems of the coming of the Second World War: the consequences of the Munich agreement of 1938, the Anglo-French guarantees to the countries of Eastern Europe and relations between Great Britain and Germany.

Key words: the policy of appeasement, security, guarantees, talks, aggression.

В российской и зарубежной историографии присутствует множество оценок политики умиротворения, проводившейся Великобританией и Францией накануне Второй мировой войны: от откровенно апологетических до остро критических. Документы из фондов Государственного архива Великобритании (г. Лондон) позволяют скорректировать их, выявить истинный смысл умиротворения, проследить процесс принятия решений английским правительством по важнейшим вопросам европейской и мировой политики.

Кульминацией политики умиротворения явилось Мюнхенское соглашение 1938 г. Многие на Западе полагали, что с передачей Судетской области Германии в Европе воцарятся мир и спокойствие. Но прав оказался У. Черчилль, который писал: «В Мюнхене нам предложили выбирать между позором и войной. Мы предпочли позор, а через год получили еще и войну».

Мюнхенское соглашение имело катастрофические последствия не только для Чехословакии, но и для всей Европы. Помимо стратегического и военно-политического аспектов Мюнхена (резкое усиление мощи Германии, нависшая над странами Восточной Европы угроза германского вторжения и т.д.) важное значение приобретал морально-психологический фактор. Чувство неуверенности и страха охватило общественность и правительства малых европейских стран. Доверие к Англии и Франции, политике умиротворения было сильно поколеблено, тогда как авторитет Третьего рейха заметно укрепился. Симптоматичное признание в этой связи сделал министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис в беседе с английским посланником в Ковно (Каунас) Т. Престоном 13 октября 1938 г.: «Многосторонние договоры, коллективная безопасность и значение Лиги Наций как арбитра или посредника в международных конфликтах ушли в прошлое. В настоящее время малые страны, такие как Литва, фактически лишены международных институтов, к которым они могли бы обратиться за помощью против своих сильных и агрессивных соседей; единственное, на что они могут еще положиться, это объявить о своем нейтралитете в случае возникновения вооруженного конфликта и довериться фортуне». Урбшис заявил, что недавние события в Центральной Европе «совершенно изменили баланс сил». Несколько позже он отозвался о Мюнхенском соглашении как о «страшном ударе для литовцев», но одновременно выразил признательность Чемберлену за его усилия по «предотвращению войны» [1, р. 62]. Тотальное чувство неуверенности и страха отметил в послании английскому правительству от 29 ноября 1938 г. и Н. Лоу, в прошлом секретарь Форин оффис, после посещения Австрии, Румынии и Венгрии: «Повсюду у этих несведущих людей теплится надежда, что Англия каким-то образом спасет их... Румыны и венгры убеждены в том, что Англия могла бы, если бы захотела, сделать их экономически процветающими и политически независимыми. Даже австрийцы, несмотря на отчаяние, верят... в спасение от голода и зависимости» (от Германии. – **А.И.**) [2, с. 137]. И такие настроения доминировали повсеместно в странах, оказавшихся после Мюнхена под прицелом нацистов.

Но мюнхенцы пребывали в ином настроении. Они рассчитывали на «благоразумие» фюрера и дальнейшее упрочение отношений с Германией. После Мюнхена правительство Н. Чемберлена было озабочено наполнением конкретным содержанием англо-германской декларации от 30 сентября 1938 г. В ней стороны взяли на себя обязательства разрешать все возникающие между ними спорные вопросы мирным путем. Форин оффис разработал несколько вариантов сотрудничества Англии и Германии, но лишь немногие из них были реализованы. Так, в меморандуме, составленном в начале ноября,

говорилось о необходимости компромиссного, т. е. на основе взаимных уступок, разрешения колониального вопроса. В качестве ответной уступки со стороны Германии предусматривалась «стабилизация границ» и соглашение об ограничении вооружений. Франция, в свою очередь, должна была денонсировать пакт о взаимопомощи с СССР 1935 г. Важное место также отводилось разграничению сфер экономических интересов Англии и Германии и их финансовому сотрудничеству [2, с. 139]. Давление на Францию англичане действительно оказывали, что же касается сокращения вооружений, то это была иллюзия. Сразу после оккупации вермахтом Судетской области Чехословакии Г. Геринг заявил английскому послу в Берлине Н. Гендерсону: Великобритания должна признать превосходство Германии в воздухе [3, р. 78]. В колониальном вопросе перспективы представлялись довольно туманными, тем более что руководство Третьего рейха сознательно увязывало его с предоставлением Германии свободы действий на востоке Европы. О взаимных уступках в Берлине предпочитали не говорить, полагаясь больше на силу и на разобщенность своих реальных и потенциальных противников. И только в области экономического сотрудничества были достигнуты некоторые результаты: 28 января 1939 г. между угольными концернами Великобритании и Германии было подписано соглашение о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран.

Таким образом, основа для углубления англо-германского сотрудничества оказалась слишком непрочной. Гитлер не собирался ограничивать масштабы своей экспансии; его не устраивала уступка западных держав в виде Судетской области Чехословакии. Более того, он считал Мюнхенское соглашение «своим унижением» [4, р. 60]. 21 октября 1938 г. он подписал директиву, предусматривавшую «быструю оккупацию Чехии и изоляцию Словакии». В дополнении к директиве от 17 декабря планировалось осуществить операцию силами мирного времени. Такую возможность предоставляла позиция чехословацкого правительства и западных держав. Так, министр иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковский в интервью итальянскому журналисту В. Гайде 3 ноября 1938 г. заявил: «Коммунизм будет подавлен в Чехословакии... Новая Чехословакия, безусловно, будет тяготеть к оси Берлин – Рим». По словам Хвалковского, сближение с Германией и Италией обеспечит для страны и ее внешней политики «более прочные основы» [5, р. 274]. Такая позиция лишь укрепляла уверенность Гитлера в том, что акция по захвату Чехословакии не встретит противодействия и завершится успешно.

О разнице во взглядах умиротворителей и представителей Третьего рейха на Мюнхенское соглашение свидетельствует диалог президента Рейхсбанка Я. Шахта и руководителя Экономического департамента Форин оффис Ф. Эштон - Гуэткина в Лондоне 15 декабря 1938 г. Британский дипломат дал высокую оценку Мюнхенскому соглашению, после подписания которого «появилась возможность для сотрудничества между Англией и Германией по переустройству Европы». На это Шахт ответил следующее: «Вы называете это соглашением? Эра соглашений прошла. Мы живем в век динамичной политики. Соглашения теряют свою силу, как только становятся бесполезными». Он откровенно заявил Эштон - Гуэткину, что «Гитлер совершенно не заслуживает никакого доверия» [6, р. 13 – 14]. Тем не менее в Англии многие политики и дипломаты надеялись на «благоразумие» фюрера и верили его обещаниям не нарушать мир и спокойствие в Европе.

То, что Гитлер «совершенно не заслуживает никакого доверия», подтвердилось ровно через три месяца после беседы Шахта с Эштон - Гуэткиным – 15 марта 1939 г. Германия аннексировала Чехию и превратила Словакию в марионеточное фашистское государство.

Захват Германией Чехословакии вызвал глубокий политический кризис в Европе, который, развиваясь по нарастающей, привел к нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и началу Второй мировой войны. Эта насильственная акция Гитлера позволила Германии существенно укрепить свой военно-экономический потенциал и улучшить стратегические возможности. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты захватили оружие и снаряжение в Чехословакии, достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий [7, р. 228]. У. Черчилль писал, что только заводы «Шкода» с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько же продукции, сколько все английские заводы за тот же период [8, р. 302]. Зловещая тень нацистской свастики нависла прежде всего над Восточной и Юго-Восточной Европой, но в перспективе германская угроза становилась реальной для многих европейских стран. Сильнейший удар был нанесен по позициям Великобритании, Франции и их союзников, политике умиротворения. В глазах многих умиротворение потерпело полный провал; все надежды руководителей западных держав урегулировать противоречия с Германией мирным путем рухнули в одночасье. Угроза большой войны стала как никогда реальной, а к ней Великобритания и Франция не были готовы. Английское правительство планировало отправить в Европу в случае войны всего 2 дивизии, что не устраивало Францию, которая находилась под непосредственной германской угрозой. Французское правительство Э. Даладье настаивало на том, чтобы англичане увеличили свой экспедиционный корпус до 20 дивизий, но официальный Лондон твердо стоял на своем. Более того, правительство Чемберлена не считало возможным перебрасывать в Европу для защиты Франции свои военно-воздушные силы, которые предназначались исключительно для обороны метро-

полии [2, с. 144]. Таким образом, отношения между Великобританией и Францией не внушали оптимизма, и это порождало в условиях европейского кризиса тревожные настроения в Лондоне и Париже. На политику умиротворения нечего было рассчитывать, но альтернативы ей пока не просматривалось. Западная общественность, возмущенная действиями Гитлера, настаивала на образовании большого антигерманского союза с участием в нем Великобритании, Франции и СССР. Однако правительства Чемберлена и Даладье решили прежде привлечь на свою сторону Польшу и ряд других восточноевропейских стран. К этому их подтолкнула информация от различных источников, что Германия после ликвидации Чехословакии нападет на Польшу и Румынию. Так весной 1939 г. на свет появилась англо-французская политика гарантий.

Первой гарантию получила Польша, отношения которой с Германией резко ухудшились после захвата Гитлером Чехословакии. Нацисты открыто заявили претензии на Данциг, хотя для многих было ясно, что данцигская проблема – это всего лишь предлог для нагнетания напряженности в отношениях Германии с Польшей. 31 марта Чемберлен, выступая в палате общин парламента, заявил о предоставлении гарантии Польше. 13 апреля гарантии получили Румыния и Греция, а в мае – Турция. Примеру Великобритании последовала Франция.

Можно ли рассматривать англо-французские гарантии в качестве альтернативы политике умиротворения, и каким было их реальное содержание?

В декларациях английского и французского правительств речь шла о поддержании независимости стран Восточной Европы, но не гарантиях границ. В случае с Польшей англичане полагали, что яблоком раздора между Германией и Польшей является Данциг, и поэтому были готовы решить данцигскую проблему к удовлетворению Гитлера. К тому же официальный Лондон не желал связывать себе руки твердыми обязательствами в расчете на изменение ситуации. Это позволяло официальному Лондону как инициатору политики гарантий ставить вопрос, в случае необходимости, о ревизии границ тех или иных стран в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта 1939 г. Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» [9, р. 236]. Весной и летом 1939 г. Англия действовала на нескольких направлениях. С учетом надвигавшейся войны она усилила свой военный потенциал: заметно увеличилось производство боевых самолетов, впервые в истории страны мирного времени была введена воинская повинность. Возобновились англо-французские штабные переговоры. 29 марта правительство решило увеличить количество территориальных дивизий с 13 до 26 и довести сухопутные войска до 32 дивизий, включая 6 регулярных. Наконец, экспедиционный корпус для отправки в Европу увеличился до 16 дивизий. Весной 1939 г. начались переговоры Англии и Франции с СССР. Но переговоры с самого начала выявили серьезные разногласия между участниками, обусловленные совершенно разными представлениями о том, что из себя должен представлять большой антигерманский союз. Поначалу Лондон попытался заручиться согласием Москвы обеспечить военными материалами Польшу и Румынию как потенциальных объектов германской экспансии. Затем, когда Москва отказалась от такого крайне невыгодного для нее варианта, правительство Чемберлена долго не соглашалось предоставить гарантии Прибалтийским странам, что вызвало раздражение Кремля и посеяло глубокие сомнения у советского правительства относительно искренности намерений Великобритании. Но главным препятствием на переговорах было отсутствие доверия сторон друг другу, их нежелание соглашаться на разумный компромисс [10]. Что касается англо-французских гарантий странам Восточной Европы, то они представляли собой поворот в британской дипломатии (отход от принципа «не брать на себя никаких обязательств»). Однако не стоит и переоценивать их, как это делают зарубежные исследователи.

О подлинном значении гарантий свидетельствует меморандум английских начальников штабов «Военное значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г. В нем содержался анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105 – 110 дивизий (это была преувеличенная оценка. – **А. И.**), из которых 77 – 80 признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая десяти в Северной Африке и четырех, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу 2 дивизии в течение трех месяцев.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотные, 3 кавалерийские дивизии и 3 горные бригады. Но Румыния, имеющая всего 2 военных завода, была не в состоянии обеспечить свою армию вооружением.

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать польскую Силезию и «польский коридор» (данцигский. – **А. И.**). Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши ... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и француз-

ских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» [11, р. 174]. Таким образом, гарантии не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Германии. Однако подобного рода комбинации, не подкрепленные соответствующими военными конвенциями, не остановили бы Гитлера, который твердо вознамерился напасть на Польшу при первой подходящей возможности. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля он подписал план «Вайс» – план военного разгрома Польши.

Что касается советской военной помощи Польше и Румынии как потенциальным жертвам фашистской агрессии, то реализация этой задачи была сопряжена с большими трудностями. Правительства Польши и Румынии отказывались от сотрудничества с СССР по идеологическим и политическим соображениям (страх перед угрозой коммунизма, напряженность в отношениях с СССР, спорные территориальные вопросы и т.д.). В свою очередь, советское правительство не собиралось помогать этим странам в одностороннем порядке. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что Великобритания отдавала предпочтение Польше, считая ее «более ценной величиной», чем СССР [2, с. 159]. Это сыграло свою негативную роль на переговорах Англии, Франции и СССР.

Неудачный исход тройственных переговоров был не случайным. Члены английского кабинета невысоко в целом оценивали оборонный потенциал СССР. В Лондоне не без оснований считали, что Красная Армия, ослабленная массовыми чистками и репрессиями, не в состоянии действовать успешно при проведении наступательных операций. К тому же Чемберлен и его окружение (Лорд Галифакс, Дж. Саймон, лорд Чэтфилд и др.) были подвержены идеологическим и политическим предубеждениям, а они не позволяли относиться к СССР как к равноправному партнеру. В Лондоне не исключали вариант замирения с Германией, даже несмотря на то обстоятельство, что Гитлер вел себя вызывающе и, как следствие, обстановка в Европе становилась все более напряженной. В конце апреля 1939 г. Гитлер аннулировал декларацию о неприменении силы с Польшей и военно-морское соглашение с Англией 1935 г. Это был жесткий ответ рейхсканцлера на англо-французские гарантии Польше. По существу, гарантии произвели эффект бумеранга. В Берлине восприняли их как вызов Германии и принялись готовить нападение на Польшу с удвоенной энергией. 22 мая Германия и Италия заключили договор о дружбе и союзе (Стальной пакт). Стороны взяли на себя обязательства оказывать помощь друг другу «всеми военными силами на суше, море и в воздухе», даже если бы одна из них совершила неспровоцированную агрессию. Блок фашистских государств еще больше укрепился, а Муссолини прочно связал судьбу своей страны с нацистской Германией.

Оценивая шансы политики умиротворения в канун Второй мировой войны, можно сделать следующие выводы. По существу, отсутствовала необходимая база для мирного урегулирования противоречий Великобритании с Германией. Руководство Третьего рейха планомерно готовилось к вооруженной агрессии против Польши, и Гитлер вряд ли пошел бы на замирение с Англией. Колониальный вопрос все больше отходил на задний план и окончательно утратил свою актуальность. Серьезные уступки Германии за счет Польши и Румынии казались невозможными хотя бы потому, что подчинение этих стран диктату Гитлера низвело бы Великобританию до положения второразрядного государства. Щедрая экономическая и финансовая помощь рейху представлялась нереальной, учитывая, скажем, то обстоятельство, что она могла ударить бумерангом по Британской империи.

Вплоть до августа 1939 г. ситуация по вопросу войны и мира оставалась неопределенной. К тому времени политические переговоры между Великобританией, Францией и СССР зашли в тупик. По предложению Москвы в августе начались переговоры военных миссий трех держав, но и они не принесли результата. Камнем преткновения на переговорах оказался вопрос о проходе советских войск через территорию Польши или Румынии. Позиция Варшавы и Бухареста в этом вопросе осталась неизменной – прохода советских войск для оказания помощи западным державам в случае агрессии Германии против них они не допустят. Переговоры военных миссий в таком случае теряли всякий смысл.

Для Гитлера такой исход тройственных переговоров был более чем приемлемым. Он исключал возможность образования большого антигерманского союза и войны Германии на два фронта. Гитлер не верил в англо-французские гарантии Польше, тем более что правительство Чемберлена не раз пыталось летом 1939 г. договориться с представителями рейха по спорным проблемам. В Лондоне не отказались от идеи умиротворения агрессоров, хотя возможности для этого были несравненно меньшими, чем во время Мюнхена. Так, 3 мая 1939 г. на заседании кабинета обсуждался вопрос о желательности возобновления контактов с Германией. Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс выразили уверенность в том, что Гитлер интересуется прежде всего Восточной Европой, поэтому Англия при известных обстоятельствах может уклониться от гарантии Польше. Гарантия, подчеркнул Галифакс, предоставлена только на случай, если «независимость

Польша окажется под открытой угрозой, и это дает правительству возможность решать вопрос о помощи Польше по собственному усмотрению» [12, с. 258].

Польский вопрос из-за агрессивных приготовлений нацистской Германии приобрел тогда ключевое значение. В Лондон все чаще поступала информация о твердом намерении Гитлера разрешить его силою оружия. 27 июня главный дипломатический советник правительства Р. Ванситтарт представил меморандум, в котором со ссылкой на немецкие источники указал, что Германия осуществит вторжение в Польшу не позднее сентября. Оставшееся до этого время Гитлер использует для нагнетания напряженности в Европе и запугивания своих противников. Вермахт планируется привести в состояние полной боеготовности к 27 августа. «Из сказанного выше, – резюмировал Ванситтарт, – очевидно: Гитлер убежден в том, что подчинение Польши может быть достигнуто в лучшем случае при помощи блефа, угроз и демонстрации силы, а в худшем – путем развязывания быстротечной войны» [13, р. 247 – 249].

Но война с Германией из-за Польши не входила в расчеты англичан, поэтому в ходе секретных англо-германских переговоров, проходивших в июне - августе 1939 г., немалое место отводилось Данцигу, этому, как считали члены кабинета Чемберлена, яблоку раздора между Германией и Польшей. Переговоры приобрели широкий размах, осуществлялись по максимально возможным в условиях надвигавшейся европейской войны каналам. Официальный Лондон установил связь с руководством рейха через шведских промышленников А. Веннер-Грена и Б. Далеруса, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхардта, князя М. Гогенлоэ, а также через Муссолини и Ватикан.

На переговорах с представителями германского правительства обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и, соответственно, отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, установление колониального кондоминиума в Африке, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эmissарями английского правительства как «естественная экономическая сфера» Германии; они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля» [14, р. 299].

В Лондоне придавали особое значение контакту с Муссолини. На заседании кабинета 5 июля Галифакс сообщил об инициативе Чемберлена направить личное послание дуче по вопросу о существующей напряженности в Европе. Предполагалось, что тот свяжется с Гитлером и предложит ему один из вариантов решения данцигского вопроса в пользу Германии и за счет Польши. Такое послание было незамедлительно отправлено в Рим и передано Муссолини английским послом в Италии П. Лорейном. В донесении в Лондон 7 июля Лорейн изложил содержание беседы с Муссолини. Фашистский диктатор заявил, что Данциг – исконно немецкий город, поэтому Польша, если она желает избежать кровопролития, обязана признать включение его в рейх. При этом Муссолини выразил убеждение в необходимости подключения Англии к организации германо-польских переговоров [13, р. 125, 211].

Информация посла удовлетворила Чемберлена. На заседании кабинета 12 июля он подчеркнул: «Муссолини – это тот человек, который нам нужен, он имеет выход на Гитлера» [13, р. 16]. Контакт с Римом тщательно скрывался от правительства Франции; так, советник Форин оффис М. Ингрэм во время встречи со своим французским коллегой из посольства Великобритании Р. де Маргери дезавуировал его относительно послания Чемберлена Муссолини [13, р. 253]. Слишком рискованным выглядело подключение французов к римскому каналу связи с Гитлером в сфере обострившихся противоречий Франции с Италией и Германией.

В преддверии нападения Германии на Польшу британская дипломатия активизировала каналы связи с представителями Третьего рейха, в частности, через Б. Далеруса, который был близко знаком с Герингом. Англичане причисляли человека номер два в нацистской иерархии к разряду умеренных элементов, полагая, что он мог бы воздействовать на Гитлера с тем, чтобы решить все спорные между Англией и Германией вопросы без войны.

12 августа в поместье Геринга «Каринхалле» состоялась его встреча с эmissаром Чемберлена Л. Ренсименом (ее организовали князь М. Гогенлоэ и специальный уполномоченный рейхсминистра Г. Вольфат). Геринг выразил удивление в связи с тем, что Великобритания проявляет слишком большой интерес к Восточной Европе; к тому же англичане ведут переговоры с большевиками, а это на руку Сталину, ибо, если между Германией и Англией разразится война, в выигрыше окажется именно он. Ренсимен подчеркнул, что мнение британской общественности о Германии необязательно совпадает с точкой зрения правительства, а оно готово к взаимопониманию с Гитлером. Стороны пришли к согласию: война между Германией и Британской империей будет иметь разрушительные последствия и приведет к большевизации Центральной и Северной Европы [15, р. 75 – 78]. В дальнейшем в Лондоне не ослабляли попыток договориться с руководством рейха по спорным проблемам, центральной из которых признавалась данцигская. Однако для Гитлера вопрос о судьбе Польши считался решенным,

и он не собирался обсуждать его за столом переговоров с кем бы то ни было.

Между тем обстановка в Европе накалялась буквально с каждым днем. С 18 августа в Германии начались предмобилизационные мероприятия, а неделю спустя был отдан приказ о скрытой мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени. В соответствии с замыслом германского командования они сосредоточивались против Польши с целью быстрого ее разгрома; на западе против Франции было оставлено минимальное количество войск.

Последние дни мира были отмечены лихорадочной активностью британской дипломатии, которая пыталась отвести войну посредством уступок Германии за счет Польши. 22 августа 1939 г. Чемберлен обратился с посланием к Гитлеру, в котором предложил посреднические услуги своего правительства по решению данцигской проблемы за столом переговоров между Германией и Польшей [16, р. 170 – 172]. В ответном письме Гитлер обрушился с нападка на Польшу, обвиняя ее в ущемлении прав Германии в Данциге. Он заверил премьер-министра, что никогда не искал ссоры с Англией и всегда стремился к укреплению англо-германских отношений [16, р. 177 – 179]. Обмен посланиями в принципе ничего не дал в плане выяснения намерений сторон, но оставлял членам английского кабинета надежду на мирное урегулирование польского вопроса.

24 августа Геринг предложил через Далеруса проект англо-германского соглашения, в котором содержалось требование признания верховенства Германии в Европе в обмен на гарантию целостности Британской империи. Судьба Польши должна была решиться за столом германо-польских переговоров, а спорные проблемы между Германией и Великобританией – в ходе визита уполномоченного английского правительства к Гитлеру [17, р. 75].

Гитлер тем самым сделал окончательный выбор. Для него широкое соглашение с Англией не представляло большого интереса, поскольку Германия нацелилась на победоносную войну с Польшей. Эра соглашений типа Мюнхенского канула в Лету. Но для гарантии успеха в предстоявшей войне против Польши Германии следовало нормализовать отношения с СССР и обеспечить его нейтралитет, что и было сделано с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему.

И все же вплоть до начала Второй мировой войны английское правительство не оставляло попыток урегулировать проблему Данцига. В Лондоне рассматривалось два варианта: германо-польские переговоры при посредничестве Великобритании и международная конференция по типу Мюнхенской, но с обязательным участием Польши. Однако для организации конференции не было времени, да и Гитлер никогда бы не согласился на половинчатое решение польского вопроса.

Вторая мировая война оказалась неизбежной в свете агрессивной политики Германии и ее союзников и отсутствия широкой и эффективной антигитлеровской коалиции. Шансы на сохранение мира в Европе были упущены задолго до нападения Германии на Польшу, и немалая доля ответственности за это лежит на Великобритании, которая предпочла политику умиротворения курсу на создание системы коллективной безопасности в Европе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Public Record Office (Государственный архив Великобритании). FO 371/22228 (далее – PRO).
2. Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993.
3. PRO. FO 371/21658.
4. PRO. CAB 21/540.
5. PRO. FO 371/21581.
6. PRO. FO 371/21666.
7. PRO. FO 371/22958.
8. Churchill W.S. The Second World War. London, 1948. Vol. 1.
9. PRO. FO 371/22967.
10. О переговорах подробнее см.: Год кризиса 1938 – 1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1 – 2; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918 – 1939 гг. М., 2006; Иванов А.Г. Почему не состоялся «большой союз» (к истории англо-франко-советских переговоров 1939 г.) // Голос минувшего. 2005. № 1 – 2 и др.
11. PRO. FO 371/21969.
12. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989.
13. PRO. FO 371/22974.
14. PRO. FO 371/22990.
15. PRO. FO 371/22976.
16. Documents on British Foreign Policy 1919 – 1939. Third Series. London, 1954. Vol. 7.
17. PRO. FO 371/22978.